

5 апреля

Стареет день. В стеклянной плоскости
Мохнатой фобией провиснет снег.
Белеет день. В графу о возрасте
Взглянуть. Покаяться. Болотный вех
Сжевать. Вздохнуть. Придумать заново
Себя счастливого. Дворов уют.
Хрущевку. Лавочки. Соседа странного.
И живы бабушки. И в гости ждут.

Потерялась

не было шанса не потеряться.
я потерялась. город. сугробы.
вечер январский с ухмылкой паяца.
сверху монета серебряной пробы.
спины родивших. легкие санки.
мир вверх тормашками. ужас беззвучен.

таяли звезды небесной огранки,
в нос затекали влагой горючей.
не было шанса найтись. не найдете.
сорок снегов как иголка без стога.
спины любимых всегда наотлете.
и не понятны, как замысел бога.

Затихаю

затихаю в покой. хирургический шелк
выпускает наружу заляпанный свет,
я качаюсь внутри. молчалива как морг.
не меняюсь заменной сюжетов и мест.
что мне свет, что не свет. дело в общем то в том -
под ногтями серпом и в груди - чернозем.
все просветы - засыпать. родиться кротом.
компас сердце. слепыми быстрее ползем
в инсталляцию неба. но метким щелчком
разлетится картонный обманный макет.
затихаю в покой. возрождаюсь кротом.
нет ни слова вокруг. и меня больше нет.

Город внутри дождя

город внутри дождя. время тоски и хруста
плотных капустных тел в колото-ножевых
ранах. на ранах - соль. боль обостряет чувства.
голод, любовь и бог - прерогатива живых.
клинопись птичьих стай. смысла какого ищешь
в этих звенящих над вечностью письменах.
голод, любовь и бог - слишком для боли. лишний
кто из них. отрекусь. трижды сойдя с ума.

Мой замкнутый круг

мой замкнутый круг - квадрат.
в дуэльные встанем углы.
здесь я, а напротив - брат
с евангелием от войны.
я с песней "как хочется жить"
он с криком кровавым уррра.
ты сможешь меня убить?
блаженны углами сестра.
обшарив столетний послед,
мне правда, тебе автомат,
станцуем библейский балет
по разным углам баррикад...
я с жизнью своей под мостом,
он с долгом - "летучий отряд"
обнявшись посмертным крестом
лежим. не сестра. и не брат.

О луноокая

о луноокая, тебе ли говорить,
что ожиданье сна длиннее ночи.
стирая с щек помадный след зари,
глухая вечность на слепые фонари
роняет небо снежным вальсом точек.

о луноокая, тебе ли говорить,
как жизнь не хочет жить в бесцветных венах.
как хочется добраться до земли.
срастаясь с ней, вращаться. раз, два, три,
линять снегами, кожей, сердцем, телом...

и, вдруг, прозрев от снега в новом теле,
как тот, кто знал, с креста сойти. в апреле...

Шагнуть в окно

дружище, не сезон сейчас шагать в окно.
там воздух густ дождем и перья не дозрели.
когда мой в двадцать три проклятия геном
мутирует в крыло - взлечу. пока же в теле
на темной стороне, мираж прижав к груди,
прошу любви у стен. и тренирую память
она мол сбережет хоть звук, хоть взгляд один,
но только тишина и некому залаять.
и некому взорвать покоя монолит,
тягучий сонный день, тоской изрытый вечер.
лизни меня туда, где жизнь сильнее болит,
но с радуги молчит любимый собакевич.
а может быть резон сейчас шагнуть в окно?
в огонь книжонку слов "невольные двуноги".
в два взмаха от весны под звездный потолок
и слушать как шумят соседи сверху - боги

Мысли по дороге с работы

лишь яблоки глазные фонарей
блестят как после пары стопарей
и бредят пьяно нужно мол скорей
убраться из провинции паскудной
ночной пейзаж привычной и страшной
отсутствием источника теней
таксисту подпеваает Headway
как улица внутри меня безлюдно
в наследстве имя да дурная кровь
и сколько в адрес Бога не злословь
в Него кричу - Он поднимает бровь
Он терпелив но с пубертатом трудно
а пубертатной дуре - тридцать семь
менять реальность - бегать в колесе
грехов за жизнь - коробка монпансье

чем ближе Суд - роднее свое тело
с работы - до квартиры и в постель
его уронишь - засыпает зверь
тоскующий о воле. только дверь
в нее открой - уляжется несмело
на выходе непрочной клетки тела

Когда не больно

когда не больно - тогда по стенам
паучьей тропкой сползает сон.
колючий воздух по ломким венам
наполнив ночью выносит вон,
туда, где скалы в прощальном жесте
глядят и помнят волне вослед.
и точкой чайка на том же месте,
на нашем месте, без нас сто лет.
найти ущелье. к груди колени.
лишь эхо в ребрах - не больно мне.
когда диагноз - не там, не с теми
и лекарь - время, больной вдвойне.

Моим собакам

тускнеет под утро зрачок Денеба.
размазанный свет. проливная осень.
под рыжим дождем убегают на небо
два носа, два счастья и лап быстрых восемь.
потертый ошейник в углу, как покойник,
обманутый сказкой про рай и бессмертье.
и сколько не прячь, но находишь намордник -
размером в беду. и занозой в предсердье
дворняжка - любовь. друг за другом к Денебу
несутся два счастья и лап быстрых восемь.
сквозь лунную ночь вою вам в ваше небо
и воеет со мной одинокая осень.

Это горят...

это горят не сосны
это кричат не звери
смерть распускает космы
бог закрывает двери
трусы ложатся рано
чтобы не знать не видеть
вместо деревьев - раны
вместо потомства - гибель
божьей иль просто тварью
очередную жрем новость
а над сибирью гарью
наша воняет совесть

Блицкриг

все как задумано. без паники. sehr gut.
регресс сознания. закончен krieg не blitz.
нас приучили постепенно к поводку
как к росту никотиновых акциз.
по скудной дозе отмеряют кислород.
немееет правое без ангела плечо.
ликует освежованный народ -
мы скоро сдохнем. что же нам еще?